

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/162-180

Научная статья

© А. П. Щербакова

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В АРГЕНТИНЕ

В статье анализируется современная политика аргентинского государства в отношении территориальных претензий мапуче как наиболее организованной и политически активной группы коренных народов в стране. Теоретико-методологические рамки исследования этнотерриториального социального протеста образованы теориями секьюритизации Копенгагенской школы международных отношений и этнополитического конфликта. Выявлены предпосылки политизации т.н. «индейского вопроса» в стране, связанные с особенностями интеграции местных коренных народов в государство в период его консолидации. Рассмотрены причины этнополитического конфликта, обусловленные характером политики доминирующих групп в государстве, формировавшемся как моноэтническое. Выделено территориальное измерение противостояния за признание права общин на традиционно занимаемые земли, на самоопределение и автономию. Показано, что политика государства по управлению конфликтом в последние два десятилетия определяется признанием движений коренных народов в качестве угрозы территориальной целостности и национальной безопасности страны. Этот нарратив не только стал эффективным инструментом криминализации и делегитимации позиции мапуче в публичном дискурсе, но и санкционировал уголовное преследование активистов.

Ключевые слова: *территориальные претензии, мапуче, коренные народы, этнополитический конфликт, социальный протест, криминализация, секьюритизация*

Ссылка при цитировании: *Щербакова А. Д. Секьюритизация этнополитического конфликта в Аргентине // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 162–180.*

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/162-180

Original Article

© Anna Shcherbakova

SECURITIZATION OF ETHNO-POLITICAL CONFLICT IN ARGENTINA

This article aims to discuss the current policy of the Argentine government about the Mapuche territorial claims as the most organized and politically active group of indigenous peoples in the country. Its theoretical and methodological framework includes the Securitization Theory by the Copenhagen School of Security Studies and theoretical approaches explaining ethno-political conflicts. The author argues that prerequisites for the “Aboriginal question” politicization in the country are associated with the integration of local indigenous peoples into the state during its consolidation, and the root causes of current ethno-political conflict lie in the nature of the dominant groups policy in the state, which was formed as mono-ethnic. The author describes the state policy to manage the conflict in the last two decades as driven by positioning the indigenous movements as a threat to the territorial integrity and national security of the country. As a result, this narrative has become an effective tool not only for criminalizing and delegitimizing the Mapuche position in public discourse, but for prosecuting of activists as well.

Keywords: territorial claims, Mapuche, indigenous peoples, ethno-political conflict, criminalization, securitization, social protest

Author Info: Shcherbakova, Anna D. — Ph. D. in Political Sciences, independent researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: anna_scherbakova@list.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0606-9298>

For citation: Shcherbakova, A. D. 2023. Securitization of Ethno-Political Conflict in Argentina. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 162–180.

В начале июня 2021 г., принимая в Аргентине премьер-министра Испании Педро Санчеса, действующий президент страны неточно процитировал знаменитого мексиканского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Октавио Паса, приписав тому утверждение о том, что «мексиканцы произошли от индейцев, бра-зильцы вышли из джунглей, а аргентинцы сошли с кораблей, идущих из Европы» (Цит. по: Cuál es la frase 2021). Это заявление вызвало серьезный резонанс во всем регионе, благодаря которому выяснилось, что оригинальная фраза принадлежала другому известному мексиканцу — мыслителю Карлосу Фуэнтесу¹, а А. Фернандес соединил ее с припевом известной песни одного из своих любимых музыкантов (El verdadero origen 2021).

¹ «Мексиканцы — потомки ацтеков, перуанцы — инков, а аргентинцы — моряков»; исп. — «Los mexicanos descenden de los aztecas, los peruanos, de los incas y los argentinos de los barcos» (El presidente de Argentina 2021).

Несмотря на контекст этого заявления, явно призванного подчеркнуть колоссальное влияние европейской иммиграции на развитие Аргентины, оно сделало президента объектом резкой критики со стороны не только латиноамериканских политических и общественных деятелей, но и обывателей, распространившейся в соцсетях с хэштегом #VergüenzaNacional (исп. — «национальный стыд»). В результате А. Фернандес был вынужден извиниться перед «всеми, кого обидел или сделал невидимыми», в своем официальном аккаунте в Твиттере¹ (Presidente argentino 2021), но подобное утверждение является узнаваемым, хоть и все менее социально приемлемым элементом национального публичного дискурса. Так, его предшественник на посту президента Аргентины М. Макри (2015–2019) в своем выступлении на Давосском экономическом форуме в январе 2018 г. говорил о «естественности» ассоциации между Меркосур² и Европейским союзом, поскольку «в Южной Америке мы все потомки европейцев» (исп. «En Sudamérica todos somos descendientes de europeos» (En Sudamérica 2018). Более того, один из самых известных в мире аргентинцев писатель Хорхе Луис Борхес называл себя «европейцем в изгнании» с «каплей местной крови», которой он «не особенно гордится» (Peña 1996).

Все это свидетельствует об устойчивом доминировании — во всяком случае, на уровне политической и интеллектуальной элиты — десятилетиями насаждавшегося представления о незначительной (или даже вовсе отсутствующей) роли африканского и индейского компонентов в формировании аргентинской нации. При этом, по данным последней из проведенных на данный момент Национальной переписи населения, домашних хозяйств и жилищного фонда за 2010 г., из почти 45 млн аргентинцев больше 955 тыс. человек (или 2,4%) идентифицировали себя как представителей или потомков коренных народов (Censo Nacional 2010). Более того, на официальной странице созданного в 1985 г. Национального института по делам коренных народов (Instituto Nacional de Asuntos Indígenas, INAI) перечислены и переведены на языки крупнейших коренных народностей их основные права: на уважение их культурной самобытности, их ценностей, практик и институтов; на землю и территорию; на двуязычное межкультурное образование; доступ к здравоохранению и правосудию; на развитие идентичности; предварительные консультации и участие; на уважение их родовых представлений и знаний и отсутствие дискриминации (Derechos indígenas 2022). Все это указывает на то, что местные коренные народы все же перестали быть «невидимыми» для аргентинских властей.

Однако обострение в стране т.н. «индейского вопроса» в последние десятилетия позволяет говорить о существовании этнополитического конфликта в государстве, изначально формировавшемся как моноэтническое. Крупный российский политолог И. Л. Прохоренко выделяет три этапа в политике идентичности латиноамериканских государств: замалчивание и даже отрицание расовых и этнических проблем в период становления независимых республик; поощрение политики метисации в качестве стратегии формирования нации и признание существования чрезвычайно конфликтного сложносоставного — мультирасового, многоэтнического и поликультурного — общества и поиски путей формирования нового, мультикультурного типа гражданства (Прохоренко 2016: 37). Именно этническая идентичность и ее проекции

¹ Социальная сеть Twitter заблокирована на территории РФ с марта 2022 г.

² Меркосур (исп. — Mercado Común del Sur, Mercosur) — экономическое интеграционное объединение, созданное в 1991 г. Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем.

(этноконфессиональная, этнолингвистическая, этнотерриториальная, этнокультурная) становятся ресурсом политической мобилизации и консолидации участников противостояния такого рода в борьбе за политический статус, материальные и нематериальные ресурсы (Семененко, Лапкин, Пантин 2016: 71), что подтверждает превращение сообществ коренных народов региона в субъектов национального и международного права и повышает таким образом их политическую субъектность.

Теоретико-методологические рамки

Этнополитические конфликты в Латинской Америке — это противостояние коренных народов, с одной стороны, государства и общества, с другой, ради сохранения «преемственности» своего образа жизни и/или преодоления своего «колониального» положения. По той же причине стороной этнополитических конфликтов могут быть не только коренные народы. Они включают в себя и межэтническую борьбу за власть или контроль государства; сепаратистские конфликты национальных меньшинств, этнонационалистические движения, ориентированные на создание независимой государственности; конфликты и движения этнических меньшинств мигрантов в развитых странах; а также конфликты и движения за права коренных народов. Этнополитический конфликт с участием мапуче в Чили и Аргентине считается результатом политики государств, которые признали этот народ «коренным», но «раздвоили» его историческую траекторию, разъединив население (*Cabrera Llancaqueo* 2021: 334–335).

Характер отношений между аргентинским государством и коренными народами на современном этапе представляется целесообразным анализировать в парадигме теории секьюритизации, сформулированной представителями Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузаном, О. Уэвером и Я. де Вильде (*Buzan* 1998) во второй половине 1990-х гг. В ее основе лежало данное датским политологом О. Уэвером определение секьюритизации как выделения какого-либо явления в качестве проблемы безопасности. Процесс секьюритизации в таком ключе означает превращение государством, военными и/или политическими элитами, а также гражданским обществом некоего вопроса из неполитизированного и исключенного из общественного дискурса в вопрос, сначала политизированный, а затем и секьюритизированный — в том случае, если для его решения государство будет вынуждено принимать меры, выходящие за рамки стандартных политических (и демократических — А. Ш.) процедур. Кроме того, теоретики расширили содержание понятия международной безопасности, включив в него, помимо чисто военного измерения, экономическую, политическую безопасность, безопасность общества и безопасность окружающей среды (экологическую безопасность). Также Б. Бузан и О. Уэвер добавили к анализу негосударственных акторов, предложив рассматривать в качестве референтного объекта секьюритизации любой коллектив, определяющий угрозу своего существования через угрозу утраты коллективной идентичности. Таким образом, факт наличия общей коллективной идентичности может быть условием рассмотрения данной общности в качестве референтного объекта. (*Гаман-Голутвина, Никитин* 2020: 728–729)

Применительно к коренному населению стран Южной Америки (прежде всего, Аргентины и Чили) секьюритизацию принято считать процессом, посредством ко-

торого этнотерриториальный социальный протест интерпретируется властями как проблема безопасности, его активисты рассматриваются в качестве террористов и преследуются с использованием механизмов не только гражданского, но и уголовного права. Подобный подход неизбежно приводит к изменению характера государственной политики в отношении коренных народов: снижается роль министерств и государственных агентств в областях социального развития, образования и/или здравоохранения в пользу расширения полномочий и сферы деятельности министерства безопасности или обороны. (Leone 2020; Leone 2018). На наш взгляд, в Аргентине его стоит воспринимать в контексте и в качестве проекции процессов политической организации и мобилизации самих общин коренных народов, их борьбы за территориальную автономию и за свои права в широком смысле.

Политизация «индейского вопроса» в Аргентине

По мнению аргентинских исследователей, первое указание на помещение притязаний коренных народов в сферу безопасности можно найти в отчете министерства обороны от 1995 г. о конфликте между частными сторонами, государством и общинами на юге провинции Неукен (Aguirre, Rocha Varsanyi 2022: 342). Однако проблемой внутренней безопасности индейский вопрос стал еще раньше — во второй половине XIX в., в период консолидации национального государства, сопровождавшейся определением внешних границ, созданием центрального бюрократического аппарата, формированием национальной идентичности и установлением монополии государственных институтов в сфере контроля над определенной территорией и населявшими ее народами. Это закрепляла Конституция Аргентинской конфедерации 1853 г., в которой среди полномочий Конгресса было выделено обеспечение безопасности границ, поддержание мирных отношений с индейцами и содействие их обращению в католицизм (Consitución de la Confederación Argentina 1853). Сохранявшие к тому моменту автономию коренные народы проживали преимущественно в приграничных районах, поэтому этот вопрос для государства со временем закономерно превратился в (гео)политический, что и привело к военному завоеванию этих территорий. Для самих коренных народов утрата автономии в результате завоевания означала насильственную интеграцию в состав государства на правах «подчиненных этнических меньшинств» (Savino 2013: 65).

В теории этнополитического конфликта глубинное недовольство народа его коллективным статусом считается мощным стимулом этнополитической активности, наряду с конъюнктурно определяемыми лидерами группы политическими интересами. В этом ключе статус «подчиненных этнических меньшинств», влекущий за собой неравноправное обращение, наличие и осознание групповой идентичности, становится основой мобилизации и определяет характер выдвигаемых требований. Сочетание этих факторов может стать причиной появления мощных политических движений и затяжных внутригосударственных конфликтов в случае создания таких движений. (Гэрт 2000: 244–245).

Своего рода импульсом к мобилизации коренных общин в Латинской Америке стал в 1940–60-х гг. индихенизм (исп. *indigenismo*) — государственная политика в отношении коренных народов, формировавшаяся с активным участием ученых, прежде всего антропологов (См.: Александренков 2006). Она характеризовалась пе-

реходом к осуждению угнетения коренных народов и поиску способов его преодоления, признанием роли метисации в формировании населения континента и идеи необходимости социальных изменений для развития всего региона. Ее целью провозглашалась интеграция коренного населения в национальную жизнь с позиций патерналистского подхода. В результате, например, в Аргентине, в 1946 г. представители народа колла прошли маршем в Буэнос-Айрес под лозунгами возвращения своих земель (*Malón de la Paz*). В 1972 г. в стране был создан Первый парламент коренных народов (*Primer Parlamento Indígena*), в 1975 г. появилась Ассоциация коренных народов Аргентинской Республики (*Asociación Indígena de la República Argentina, AIRA*), а в 1972 г. — Конфедерация коренных народов провинции Неукен (*Confederación Indígena Neuquina, CIN*) (*Ameghino* 2013: 178). Их первые организации были связаны с правозащитными группами и католической церковью и часто зависели от них. Наиболее важными, помимо CIN, считались Консультативный совет коренных народов (*Consejo Asesor Indígena, CAI*) и Координация организаций мапуче (*Coordinación de Organización Mapuche, COM*).

CIN первоначально была тесно связана с Народным движением Неукена (*Movimiento Popular Neuquino, MPN*), провинциальной популистской партией, но по мере собственного развития и расширения провинциальной политической автономии постепенно вышла из-под ее влияния и отошла от церкви, изменив свое название на Конфедерацию Мапуче Неукена (*Confederación Mapuche Neuquina*). Ее заявленные цели заключались в том, чтобы служить посредником между общинами и провинцией, а также разрешать конфликты внутри общин (особенно в отношении измерения государственных земель).

CAI появился в провинции Рио-Негро и, в отличие от CIN, он не пользовался поддержкой провинциальных партий, будучи связанным с местным епископством. В своей деятельности он делает упор на укрепление крестьянских организаций и включает мелких сельскохозяйственных производителей, не принадлежащих к народу мапуче. В этой провинции действуют и другие организации, преимущественно в сфере защиты права коренных народов на сохранение своих культурных отличий.

COM — «зонтичная» организация, в которую входила Конфедерация мапуче, представлявшая сельские общины и городские организации. Ее целью было удовлетворение территориальных требований общин посредством введения понятия «охраняемой территории коренных народов» и при помощи взаимодействия с международными организациями, такими как Всемирный банк, в т. ч. для получения финансирования (*Kaiser, Serbent, Navarro, Echave* 2014: 17–18). Таким образом, COM стала институциональным выражением целей активистов по объединению интересов «городских» мапуче и сельских общин.

Предпосылки этнополитического конфликта

Важной причиной, подпитывающей недовольство подчиненных групп, как правило, выступает политика групп доминирующих, их методы и средства в отношениях с меньшинствами. Среди них принято выделять геноцид; выселение групп, рассматриваемые как маргинальные и враждебные целям доминирующей группы; принудительную ассимиляцию; аккультурацию без принуждения посредством межэтнического взаимодействия, разрешения и даже поощрения социальной мобильности,

образования и использования гражданских прав и свобод; структурную федерализацию как метод установления доверия и устранение опасений подчиненных групп посредством территориальных гарантий; институциональное дробление доминирующей группой большой существующей группы на более мелкие; преднамеренное игнорирование этнических политических требований и завуалированное пренебрежение в отношении «отсталых» этнических культур. (*Ротшильд* 2000: 64–165).

Что касается политики доминирующих («неиндейских») групп в «этнически гомогенном» аргентинском государстве в отношении коренных народов, в разные периоды и в различном внутривнутриполитическом контексте она характеризовалась этноцидом и выселением общин с их «исконных» земель, а после возвращения страны к гражданскому правлению — предоставлением индейцам определенных территориальных гарантий (*Constituciones provinciales*). Так, военные экспедиции в духе «Завоевания пустыни» (Пампа и Патагония в 1878–1885 гг.) и «кампаний в зеленой пустыне» (Чако, 1884–1911 гг.) были нацелены на «опустошение» стратегически важных в условиях консолидации национальных границ территорий и «замены» населявших их коренных народов европейскими иммигрантами. По словам советских ученых, индейцы, оружием которых являлись стрелы и лассо, зачастую были совершенно беспомощны против армии, вооруженной огнестрельным оружием и артиллерией, но героически оборонялись, защищая свою землю и свободу. Так, в 1870-х гг. в Пампе индейская конфедерация племен во главе с Кальфукура оказывала серьезное сопротивление завоевателям (*Ермолаев* 1961: 215–216). В 1870–1884 гг. в Чако было снаряжено семь военных экспедиций, а наиболее крупные столкновения произошли с племенем тоба, сопротивление которых было окончательно сломлено к 1884 году. С гегемонией их верховных вождей было покончено. Индейцы были оттеснены к северу, что сократило их этническую территорию и вынудило перейти к оседлости. (*Шейнбаум* 1985: 244).

Содержательно важные изменения индейской политики происходят по завершению процесса ре-демократизации Аргентины во второй половине 1980-х годов. Ее действующая Конституция в редакции 1994 г., (*Constitución de la Nación Argentina* 1994), а также конституции провинций закрепляют признание преемственности современных коренных народов по отношению к ранее существовавшим (Рио Негро); их этнического и культурного предсуществования (Чако, Ла Пампа, Сальта, Формоса, Неукен, Тукуман, Энтре Риос); правосубъектности общин и организаций коренных народов (Чако, Сальта, Неукен, Формоса, Тукуман); права общинной собственности на занимаемые земли (Чубут, Сальта, Формоса, Неукен, Тукуман, Энтре Риос, Буэнос Айрес, Чако); права на участие общин в управлении природными ресурсами на занимаемых ими территориях (Чубут, Сальта, Формоса, Неукен, Тукуман, Чако)¹.

Если говорить о т.н. «выселениях», то предпосылки актуальной ситуации сложились в результате упоминавшейся политики территориальной экспансии и последующего распределения земель, изначально заселенных коренными народами. На этих

¹ Constitución de la Provincia de Río Negro (Art.42, 1988); Constitución de la Provincia de Buenos Aires (Art.36, 1994); Constitución de la Provincia del Chaco (Art.37, 1994); Constitución de la Provincia de Chubut (Art.34, 1994); Constitución de la Provincia de La Pampa (Art.6, 1994); Constitución de la Provincia de Salta (Art.15, 1998); Constitución de la Provincia de Formosa (Art.79, 2003); Constitución de la Provincia de Neuquén (Art.53, 2006); Constitución de la Provincia de Tucumán (Art.149, 2006); Constitución de la Provincia de Entre Ríos (Art.33, 2008).

территориях реализовывались различные стратегии по сохранению государственного контроля над ними. «Управление» ими включало в себя защиту от не санкционированного государством использования и способствовало укреплению идеи гомогенной национальной идентичности за счет контроля над другими этническими идентичностями. Так, после завоевания Северной Патагонии центральное правительство предприняло ряд инициатив по продаже вновь приобретенных территорий на публичных аукционах, часть которых получили в награду участники военных экспедиций. Федеральные власти также выделяли земли для размещения религиозных миссий и создания новых поселений. Это предоставило центральному правительству возможность иметь прямой контроль над обширной территорией, по-прежнему заселенной общинами мапуче. С начала XX в. к этому добавились выдача разрешений на использование и выпас скота на землях, которые по закону должны были оставаться государственными, и признание уступки пастбищных участков главам общин коренных народов. (Aguirre 2019: 3).

Нормативно-правовую основу этих процессов составили национальные законы о колонизации и населении: Закон о колонизации № 817 («Ley Nacional de Inmigración y Colonización») 1876 г., разрешивший государственную и частную колонизацию, известный как закон Авельянеды; Закон о займах (Ley de Empréstito № 947) 1878 г., принятый для выполнения обязательств перед теми, кто финансировал «завоевание пустыни»; Закон о жилищах (Ley del Hogar № 1501) 1884 г., способствовавший созданию сельскохозяйственных колоний; Закон о военных награждениях (Ley de Premios Militares № 1628) 1885 г. о компенсации участникам военных экспедиций; Закон о заселении (Ley de Poblamiento № 2875) от 1891 г., аннулировавший обязательства по колонизации в соответствии с Законом № 817 и оставивший возможность сохранять концессии и возвращения четвертой части государству; Закон о Земле (Ley de Tierras № 4167) 1903 г. отменивший предыдущие из-за сложности в реализации, и разрешивший аренду с возможностью покупки и поощрением доступа к небольшим участкам. Последнее облегчило спекуляции, позволившие бывшим владельцам завладеть большими участками земель, что привело к появлению своего рода неолатифундий (Las leyes de tierras 2015).

Еще одним инструментом непосредственного управления и контроля над территориями коренных народов, особенно расположенных в приграничных районах, стала институционализация природоохранной практики путем создания национальных парков, первыми из которых стали Игуасу на северо-востоке Аргентины и Науэль-Уапи в Северной Патагонии в 1934 г., а в 1937 г. в Патагонии было интернационализировано еще четыре национальных парка: Ланин; Лос-Алерсес; Перито Морено и ледники. Создание национальных парков имело непосредственные последствия для общин мапуче, проживавших в пределах их юрисдикции. Во-первых, там начали действовать строгие правила, что нарушило отношения между общинами мапуче и их землей. Во-вторых, эти меры практически не затронули собственность крупных частных поместий, но привели к переселению ряда общин. В-третьих, решения о том, как именно будет использоваться территория национальных парков, с тех пор принимала их администрация без необходимости консультироваться с местным коренным населением. В-четвертых, на территории парков частные предприятия и владельцы крупных поместий вели деятельность по добыче полезных ископаемых, несмотря на попытки администрации ее ограничивать. При этом в отношении

общин действовало множество ограничений на осуществление какой-либо значимой экономической деятельности, наложенных управлением национальных парков (Savino 2013: 154–155).

Следствием подобных мер стали насильственное переселение групп коренных народов, а также конфликты из-за границ и качества земли. В последние десятилетия отношения между общинами и властями (на провинциальном и федеральном уровнях) обострились из-за попыток ведения экстрактивистской хозяйственной деятельности на территориях, используемых индейскими общинами. Во всех случаях предметом юридических и политических разногласий является право собственности на землю. Гражданский кодекс Аргентины признает только индивидуальную частную собственность, а не коллективную собственность на землю. В результате возникает противоречие между ним и Конституционной реформой 1994 г., признавшей коллективную собственность общин на территории, «традиционно населяемые» коренными народами. (Savino 2013:112–113).

Территориальное измерение противостояния

Этнополитологи выделяют ряд потенциальных целей подчиненной этнической группы в ее противостоянии с государством: 1. всесторонняя интеграция вплоть до полной ассимиляции группы; 2. полная политическая интеграция и интеграция жизненных возможностей в сочетании с публичными гарантиями и официальной поддержкой культурной автономии; 3. подкрепление культурной автономии политико-территориальной автономией (созданием федеративного государства на этнической основе путем этноисторической децентрализации); 4. сецессия и политическая независимость; 5. доминирование или переворот в существующем государстве в пользу подчиненной группы (Ротшильд 2000: 161–164).

Наиболее организованной и политически активной этнической группой в Аргентине являются мапуче¹. В целом их требования сосредоточены на консолидации исконного народа мапуче как субъекта, существовавшего до появления провинций и национальных государств, сейчас занимающих его территорию (нынешние аргентинские провинции Неукен, Рио-Негро, частично — Чубут, Ла-Пампа и Буэнос-Айрес, а также область Араукания современной Чили); признании государством их права на эту территорию; и возможности реализации на практике их права на самоопределение и автономию. Самая высокая численность населения мапуче в стране сохраняется в Неукене, и местные общины признают Конфедерацию Мапуче провинции своим единственным законным политическим представителем.

На практике требования мапуче о территориальной автономии реализуются посредством «повторной оккупации» исконных земель для реализации своего права на их «возвращение», и воспринимаемых властями как их (зачастую незаконная) оккупация. При этом, например, активисты мапуче не используют выражений «занять земли» (исп. — “ocupar” / “tomar tierras”), говоря об их «возвращении», очевидно подразумевая повторное приобретение когда-то имевшегося. Кроме того, специалисты указывают на специфику концепции «тари», которая означает территориальное

¹ По данным переписи 2010 г., представители народа мапуче составляли наиболее многочисленную (21,5% или 205 009 человек) группу коренного населения Аргентины (Censo Nacional 2010: 280).

пространство, включающее не только землю в ее материальном и осязаемом аспектах, но также и другие измерения, включающие природные силы или энергии. Таким образом, налицо содержательно разные подходы властей и представителей общин: в то время как слова «оккупация» или «занятие» по-испански означают нарушение права на жилище, слово «возвращение» указывает на права народа, населявшего конкретную территорию до появления национального государства, в более широком смысле (см.: *Moyano* 2021).

В нескольких случаях активисты (а с недавних пор и СОМ) использовали флаг организаций мапуче Чили, чтобы подчеркнуть коллективную идентичность мапуче как первоначального государства-нации (*pueblo-nación*), выходящего за пределы международных (в данном случае — аргентинских и чилийских) границ. Помимо актов оккупации, активисты организуют акции протеста с использованием политического насилия низкой интенсивности. Несмотря на их заявления о том, что они «воюют против государства», по мнению аргентинских исследователей, формы протеста мапуче не представляют опасности для общественного порядка и не направлены на распространение террора в обществе, не ставят целью захвата государственной власти и не стремятся к свержению правительств (*Leone* 2020: 92). При этом, однако, реакцией со стороны государства становится криминализация требований общин и сужение границ легитимности их притязаний.

Политика государства по управлению конфликтом

Движение за секьюритизацию началось «сверху», на уровне правительственных программ Министерства обороны. Во время правления Фернандо де ла Руа (1999–2001 гг.) тогдашний министр обороны Рикардо Лопес Мерфи на первом заседании Рабочей группы по национальной стратегии (*Grupo de Trabajo de Estrategia Nacional*, GRUTEN), заявил, что проблеме т. н. «новых угроз» должна решать национальная оборона. В результате, в марте–ноябре 2000 г., GRUTEN подготовила Национальную стратегическую оценку и резолюцию (*Apreciación y Resolución Estratégica Nacional*, ARENAC), которая признала движения коренных народов угрозой территориальной целостности Аргентины, связав этноним «мапуче» с чилийцами, что акцентировало их якобы иностранное происхождение. (*Eissa* 2017: 48).

Аргентинский политолог Мигель Леоне выделяет три основных инструмента национальных государств (Аргентины и Чили) по управлению конфликтом с мапуче: стигматизацию, в основе которой лежат идеи «опасности» для государства и обвинения в терроризме, соответствующую судебную практику, выстраивающуюся вокруг «террористической угрозы», и милитаризацию территорий этого народа в контексте обеспечения общественной безопасности (*Leone* 2020: 89–110). Что касается процесса секьюритизации их территориальных претензий, аргентинские исследователи предлагают анализировать его в двух дискурсивных измерениях. На первом этапе дискурсивной криминализации государство формирует и распространяет определенные представления о конфликте и коренных народах, характеризуя их как угрозу общему благополучию и местному развитию. На втором речь идет уже о криминализации сообществ, сопровождающейся дискурсом, объясняющим и оправдывающим применение репрессивного аппарата (*Aguirre, Rocha Varsanyi* 2022: 342–343).

Основной целью дискурсивной криминализации стоит считать делегитимацию позиции мапуче в их противостоянии государству. Ее основными проводниками выступают СМИ, а среди ключевых стратегий выделяются конструирование образа врага в лице мапуче и их общин и формирование представления о них как об угрозе национальной безопасности и территориальной целостности страны. Благоприятной почвой для их использования становится укорененный в аргентинском обществе расизм по отношению к коренным народам и мигрантам, десятилетиями подпитывавшийся нарративом, ставившим под сомнение «аргентинское происхождение» мапуче и законность их пребывания на занимаемых территориях. Это сомнение в легитимности их «коренной идентичности», среди прочего, основано на все еще распространенном стереотипе о коренных народах — предках существующих как об анахронизме, олицетворении регресса и нецивилизованности. (*Circosta* 2021: 196).

В результате в национальных СМИ мапуче фигурируют либо в материалах, посвященных фольклору и представляющих элементы их культуры как экзотику, либо в статьях, анализирующих проблемные ситуации в контексте нарушения общественного порядка. В них мапуче чаще всего позиционируются как иностранцы (т.е. «внешний элемент» по отношению к аргентинцам) в контексте захвата и незаконной оккупации национальных территорий. Так конструируется представление о том, что их конфронтация с государством — преступление, нарушение порядка, а не выражение территориальных претензий (де-юре вполне признанных на федеральном и провинциальном уровнях, как было проанализировано выше). К тому же, авторы статей, как правило, избегают анализа причин протеста индейцев, что лишает их требования легитимности и делает сопутствующее насилие или акции по «захвату» территории иррациональными и немотивированными (*Aramayo Eliazarian* 2021: 92–114).

По мнению некоторых исследователей, конструирование образа мапуче как угрозы было обусловлено намерением властей применять по отношению к ним нормативные акты, санкционирующие использование репрессивных мер при разрешении территориальных конфликтов. Для этого действия общин объяснялись намерениями отделения части национальной территории, что позволяло представлять их угрозой национальной безопасности и оправдывало вмешательство государственных органов в их деятельность. (*Aguirre* 2019: 18). Кроме того, существующие общины определялись не как субъекты права, а как сообщества, созданные только по предписанию государства. Более того, их позиционирование в публичном пространстве как акторов, практикующих насильственные действия, на практике приводило к уголовным обвинениям, которые в конечном итоге превратили членов сообществ в преступников — по крайней мере, в транслируемом СМИ дискурсе. В дополнение, ситуацию усложнял внутривнутриполитический и экономический контекст отдельных провинций. Так, позиционирование мапуче в Неукене как угрозы в последнее десятилетие основывается на том, что, по утверждениям властей, у общин могут быть интересы, связанные со стратегическими ресурсами провинции, в данном случае — энергетическими. Латиноамериканские исследователи считают это тем «угрожающим» фактором, который легитимирует применение специальных средств для решения территориального конфликта при наличии правовых и политических путей его решения (*Aguirre, Rocha Varsanyi* 2022: 346).

В фокусе — права человека

В то же время законы о внутренней безопасности и борьбе с терроризмом используются государством для придания юридической легитимности военной оккупации территорий мапуче, наблюдения и контроля за передвижением людей там и даже управления этими территориями в условиях введенной чрезвычайной ситуации. В 2005 г. аргентинский Национальный конгресс утвердил Межамериканскую конвенцию о борьбе с терроризмом (Ley 26.023) и Международное соглашение о борьбе с финансированием терроризма (Ley 26.024). Наконец, принятие «Анти-террористического закона» (Ley 26.268) в 2007 г. существенно изменила конфигурацию механизма криминализации протеста мапуче, в борьбе с которым он был впервые использован в апреле 2015 г. Тогда прокурор палаты Сапала, провинция Неукен, обвинил одного из членов общины в «покушении на убийство» за травмы, полученные полицейским в 2012 г. в ходе сопротивления мапуче наступлению нефтяной компании на свою территорию. Позднее вторичная криминализация действительно становится государственной политикой, о чем свидетельствуют дела по меньшей мере 145 активистов движения мапуче, привлеченных к ответственности (Leone 2020: 97–98).

Особую роль в подавлении протеста коренных народов Аргентины играет Национальная жандармерия, которая с момента своего создания выступала в качестве «стража» национальных границ, особенно на границе с индейцами. С конца 1990-х гг. на нее, наряду с Военно-морской префектурой, были возложены функции обеспечения внутренней безопасности, что повлекло за собой резкое увеличение численности персонала. В рамках процессов милитаризации общественной безопасности эти структуры стали периодически использоваться в качестве «промежуточных» полицейских сил для наблюдения и контроля за развитием территориальных конфликтов с участием общин коренных народов.

Уже упоминавшийся Мигель Леоне считает, что милитаризация общественной безопасности превратилась в государственную политику, а территориальные требования мапуче стали чаще рассматриваться как «террористическая угроза» в президентство М. Макри. Об этом, по его мнению, говорит то, что многие из выселений общин, проведенных силами безопасности в 2016–2018 гг., — по решению суда и без него —, характеризовались особой жестокостью и проводились военизированными контингентами, такими как Группа специальных операций (Grupo Especial de Operaciones, GEOP) (Leone 2020: 100–101).

В этом контексте очень резонансными стали смерти общественного активиста Сантьяго Мальдонадо и активиста мапуче Рафаэля Науэля в 2017 г. Первый из них исчез в ходе рейда Национальной жандармерии, сотрудники которой превысили полномочия, данные им судебным приказом, предписывавшим только освободить дорогу, перекрытую протестующими членами общины, ведущей давний конфликт с многонациональной компанией Benetton, захватившей более 900 тыс. га земли в этом районе. По мнению наблюдателей, практически три месяца аргентинское государство скрывало информацию об исчезновении Мальдонадо, допустив обновление ложной информации. Впоследствии его тело было обнаружено в реке Чубут. Активист мапуче Рафаэль Науэль был убит членами элитной группы Военно-морской префектуры в рамках операции по обеспечению безопасности в 35 км к югу от города Барилоче.

Исчезновение Сантьяго Мальдонадо вызвало мощный общественный отклик. В Буэнос-Айресе и других аргентинских городах прошли многотысячные демонстрации с требованиями к властям сообщить о его местонахождении. С призывом найти его к ним обращались представители многочисленных национальных и международных правозащитных организаций; Матери площади мая¹ даже посвятили ему свой традиционный марш. По мнению российского историка Н. Эппле, такая реакция общества на это исчезновение стала очередным подтверждением того, что память о трудном прошлом страны, связанном с государственными репрессиями «Процесса национальной реорганизации»², сохраняется, как сохраняется и нарратив «Больше никогда» (исп. — *Nunca Más*), подтверждением чему был лозунг «30 000³ исчезнувших начались с одного» (Эппле 2020).

Как ни парадоксально, такие аллюзии на период «Процесса» подпитывались самими представителями околотовластных кругов. Так, брат губернатора провинции Неукен приписал мапуче планирование партизанского сопротивления в Патагонии при поддержке колумбийской леворадикальной повстанческой экстремистской группировки FARC-EP (исп. — *Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia — Ejército del Pueblo*, Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа) и леворадикальной националистической баскской организации ETA (баск. — *Euskadi Ta Askatasuna*, «Страна басков и свобода») с оружием из Чили и по договоренности с мапуче из соседней страны. В этом ключе упомянутое выше использование мапуче Неукена флага чилийских соплеменников могло быть истолковано в качестве доказательства определенных связей между общинами и активистами двух стран. Однако, как справедливо напоминают латиноамериканские ученые, в локальном контексте такого рода обвинения неизбежно вызывают в памяти Доктрину национальной безопасности, действовавшую в 1970-х гг. и позволявшую властям рассматривать политических противников как «внутренних врагов» государства. (Escobar, Delrio y Malvestitti 2010: 295).

Еще одним проявлением секьюритизации протеста мапуче стало ведение незаконной разведывательной деятельности на территории общин агентами Федерального разведывательного управления (*Agencia Federal de Inteligencia*, AFI) с целью сбора информации об их политической деятельности, деятельности активистов против добычи полезных ископаемых — без постановления суда, хотя и с ведома прокурора провинции Чубут. Это происходило с нарушением аргентинского закона о разведке (*La ley de Inteligencia argentina*, Ley 25.520), запрещающего хранение и систематизацию данных о людях на основе их расы, политической идеологии и/или членства в общественных, политических и профсоюзных организациях (*Coordinación represiva contra el pueblo mapuche* 2021: 9).

В последние десятилетия информация о жертвах этих процессов неизменно вызывает широчайший национальный резонанс. Среди преступлений против корен-

¹ Уникальное общественное движение, созданное в Аргентине родственниками пропавших во время военной диктатуры 1976–1983 гг. Впоследствии его деятельность сконцентрировалась на поиске и идентификации детей похищенных.

² Процесс национальной реорганизации (исп. — *Proceso de Reorganización Nacional*) — политика военно-гражданского правительства Аргентины, пришедшего к власти в результате переворота 1976 г.

³ По данным правозащитных организаций, именно столько аргентинцев погибло или пропало без вести в этот период.

ных народов выделяется гибель активистов в контексте территориальных конфликтов, возникших в результате расширения территории неокстрактивистских практик (добычи нефти и золота), расширения площадей выращивания трансгенных культур (прежде всего, соевых бобов) и значительного роста объема национальных и иностранных инвестиций в растущий земельный рынок. Считается, что гибель некоторых из них (представителя общины Ла Примавера в Формосе в 2010 г. и четырех гуарани в Инхенио Ледесма в Жужуе в 2011 г.) была вызвана действиями провинциальной полиции. Другие (Кристиан Феррейра в Сантьяго-дель-Эстеро в 2012 г. и диагит Хавьер Чокобара, принадлежавший к общине Чушагаста в провинции Тукуман, в 2009 г.) могли быть убиты частными лицами или даже наемными убийцами по заказу землевладельцев, непосредственно вовлеченных в земельные споры. (Leone 2018: 4).

* * *

Специфика современного этнополитического конфликта в Аргентине в значительной степени обусловлена историческими особенностями формирования национальной идентичности в период консолидации государства во второй половине XIX в. В результате этих процессов коренные народы, населявшие территории, ставшие его (государства) частью, не только утратили свою автономию, но и были в него насильственно интегрированы в качестве изначально подчиненных этнических меньшинств. Это аккумулированное недовольство своим коллективным статусом народов, предсуществование которых признается действующими национальной и большинством провинциальных конституций, выступает движущей силой мобилизации и борьбы аргентинских индейцев, прежде всего, мапуче, за свои права.

Краеугольным камнем противостояния был и остается т.н. «земельный вопрос», связанный со статусом территорий, которые коренные народы считают своими исконными, нюансами их управления, а также использованием государством различных стратегий по сохранению контроля над ними. Источником разногласий между властями и общинами выступает право собственности на землю, поскольку аргентинский Гражданский кодекс, регулирующий вопросы частной собственности, признает исключительно индивидуальную частную, но не коллективную собственность на землю, в то время как Национальная конституция в редакции 1994 г. закрепила признание коллективной собственности общин в отношении их традиционных территорий.

Основным средством борьбы общин мапуче за предоставление им территориальной автономии выступает т.н. «повторная оккупация» территорий, которые они считают своими на основе того, что там жили их предки до появления национального государства. При этом протест мапуче, по мнению аргентинского академического сообщества, не представляет опасности для общественного порядка, действующего правительства и политического строя. Государство тем не менее признало движения коренных народов (главным образом мапуче) угрозой целостности страны еще в 2000 г., переместив тем самым их территориальные притязания в сферу национальной безопасности, а следовательно, в компетенцию правоохранительных ведомств и Министерства обороны.

В результате основными инструментами аргентинского государства по управлению этнополитическим конфликтом с мапуче становятся их стигматизация как

опасности для общества и государства и террористов; соответствующая судебная практика на основе антитеррористического законодательства и милитаризация территорий, заселенных мапуче, для обеспечения там общественной безопасности. Реализация этого подхода сопровождается формированием и распространением в публичном пространстве дискурса, характеризующего общины мапуче как угрозу благополучия населения и препятствие развитию конкретных провинций, а также оправдывающего применение репрессивного аппарата в отношении общин и активистов со стороны федеральных и провинциальных властей.

Источники и материалы

- Гэрт* 2000 — *Гэрт Т. П.* Почему меньшинства восстают? Объяснение этнополитического мятежа // *Этнос и политика: Хрестоматия* / Авт.-сост. А. А. Прусаускас. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 244–245.
- Ротшильд* 2000 — *Ротшильд Дж.* Этнополитика // *Этнос и политика: Хрестоматия* / Авт.-сост. А. А. Прусаускас. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 161–165.
- Censo Nacional 2010 — Censo Nacional de Población, Hogares y Viviendas 2010.
- Constitución 1853 — Constitución de la Confederación Argentina. 1853. <https://bibliotecadigital.csjn.gov.ar/Constitucion-de-la-Nacion-Argentina-Publicacion-del-Bicent.pdf> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución 1994 — Constitución de la Nación Argentina. 1994. <https://bibliotecadigital.csjn.gov.ar/Constitucion-de-la-Nacion-Argentina-Publicacion-del-Bicent.pdf> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de Buenos Aires 1994 — Constitución de la Provincia de Buenos Aires. 1994. <https://www.htc.gba.gov.ar/images/legislacion/ConstitucionBsAs.pdf> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de Chubut 1994 — Constitución de la Provincia de Chubut. 1994. <http://municipios.unq.edu.ar/modules/mislibros/archivos/chubut.pdf> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de Entre Ríos 2008 — Constitución de la Provincia de Entre Ríos. 2008. <https://www.argentina.gob.ar/normativa/provincial/ley-0-123456789-0abc-defg-000-0001evorpyel> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de Formosa 2003 — Constitución de la Provincia de Formosa. 2003. <https://www.argentina.gob.ar/normativa/provincial/ley-0-123456789-0abc-defg-000-0001pvorpyel> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de La Pampa 1994 — Constitución de la Provincia de La Pampa. 1994. <https://repositorio.lapampa.edu.ar/index.php/normativa/provincial/constitucion/item/constitucion-de-la-provincia-de-la-pampa> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de Neuquén 2006 — Constitución de la Provincia de Neuquén. 2006. <https://www.jusneuquen.gov.ar/constitucion-de-neuquen/> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de Río Negro 1988 — Constitución de la Provincia de Río Negro. 1988. <https://web.legisrn.gov.ar/institucional/pagina/constitucion-de-la-provincia-de-rio-negro> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de Salta 1998 — Constitución de la Provincia de Salta. 1998. <https://www.argentina.gob.ar/normativa/provincial/ley-0-123456789-0abc-defg-000-0000avorpyel> (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia de Tucumán 2006 — Constitución de la Provincia de Tucumán. 2006. https://comprasbys.tucuman.gob.ar/normativa_archivos/Constitucion%202006.pdf (Accessed 09.07.2022).
- Constitución de la Provincia del Chaco 1994. — Constitución de la Provincia del Chaco (1994). <https://www.legislaturachaco.gov.ar/control/recursos/constitucion-provincial.pdf> (Accessed 09.07.2022).
- Constituciones provinciales — Constituciones provinciales. Argentina.gob.ar. <https://www.argentina.gob.ar/derechoshumanos/inai/normativa> (Accessed 16.07.2022).

- Coordinación represiva 2022 — Coordinación represiva contra el pueblo mapuche. Cómo se articularon la inteligencia ilegal, la militarización y la estigmatización para impedir el ejercicio de los derechos indígenas. Centro de estudios legales y sociales. En cooperación con la Fundación Heinrich Böll Cono Sur. <https://www.cels.org.ar/web/publicaciones/coordinacion-represiva-contra-el-pueblo-mapuche/> (Accessed 16.07.2022).
- Cuál es la frase 2021 — Cuál es la frase original de Octavio Paz sobre mexicanos y argentinos con la que Alberto Fernández desató una polémica. <https://www.infobae.com/america/mexico/2021/06/10/cual-es-la-frase-original-de-octavio-paz-sobre-mexicanos-y-argentinos-con-la-que-alberto-fernandez-desato-una-polemica/> (Accessed 18.01.2022).
- Derechos indígenas 2022 — Derechos indígenas. Instituto Nacional de Asuntos Indígenas. Argentina.gob.ar. <https://www.argentina.gob.ar/derechoshumanos/inai/derechosindigenas> (Accessed 05.07.2022).
- El presidente de Argentina 2021 — El presidente de Argentina desata la polémica: “Los brasileños salieron de la selva”. ABC International. 09.06.2021. https://www.abc.es/internacional/abci-alberto-fernandez-brasilenos-salieron-selva-y-argentinos-llegaron-barco-202106092203_noticia.html (Accessed 13.02.2022).
- El verdadero origen de la frase de Alberto Fernández sobre los mexicanos y los brasileños. El universal. 09.06.2021. <https://www.eluniversal.com.mx/mundo/el-verdadero-origen-de-la-frase-de-alberto-fernandez-sobre-los-mexicanos-y-los-brasilenos> (Accessed 13.02.2022).
- En Sudamérica 2018 — “En Sudamérica todos somos descendientes de europeos”. Pagina 12. 26.01.2018. <https://www.pagina12.com.ar/91480-en-sudamerica-todos-somos-descendientes-de-europeos> (Accessed 15.04.2022).
- Las leyes de tierras 2015 — Las leyes de tierras. Rio Negro. 16.07.2015. https://www.rionegro.com.ar/las-leyes-de-tierras-CBRN_7824398/ (Accessed 16.07.2022).
- Ley 26.023 — Ley 26.023 Apruébase la Convención Interamericana Contra el Terrorismo, adoptada en Bridgetown, Barbados, el 3 de junio de 2002. <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/105000-109999/105500/norma.htm> (Accessed 09.07.2022).
- Ley 26.024 — Ley 26.024 Apruébase el Convenio Internacional para la Represión de la Financiación del Terrorismo, adoptado el 9 de diciembre de 1999 por la Asamblea General de las Naciones Unidas. <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/105000-109999/105534/norma.htm> (Accessed 09.07.2022).
- Ley 26.268 — Ley 26.268 Modificación. Asociaciones ilícitas terroristas y financiación del terrorismo. Modificación de la Ley N° 25.246 de Encubrimiento y Lavado de Activos de origen delictivo. <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/125000-129999/129803/norma.htm> (Accessed 09.07.2022).
- Población indígena 2012 — Población indígena o descendiente de pueblos indígenas u originarios en viviendas particulares por pueblo indígena. Total del país. Año 2010. // Censo Nacional de Población, Hogares y Viviendas 2010. Censo del Bicentenario Resultados definitivos, Serie B N° 2. Instituto Nacional de Estadística y Censos (INDEC) Buenos Aires, octubre de 2012. <https://www.indec.gob.ar> (Accessed 16.07.2022).
- Presidente argentino 2021 — Presidente argentino confunde cita de Octavio Paz y lo critican en redes. <https://www.forbes.com.mx/presidente-argentino-confunde-cita-de-octavio-paz-y-lo-critican-en-redes/> Forbes. 9.06.2021. (Accessed 14.02.2022)
- Security 1998 — Security: A New Framework for Analysis. By Barry Buzan, Ole Weaver, and Jaap de Wilde. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. 239 p.

Научная литература

- Александренков Э. Г. Индихенизм в Латинской Америке (политика и наука о коренных обитателях). Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 188. Москва: ИЭА РАН, 2006. 31с.

- Гаман-Голутвина О. В., Никитин А. И. (отв. ред.) Современная политическая наука: Методология. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 776 с.
- Ермолаев В. И. (отв. ред.) Очерки истории Аргентины. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1961. 574 с.
- Прохоренко И. Л. Этнополитическая конфликтность и политика идентичности в странах Латинской Америки // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 29–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.04>
- Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69–94. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>
- Шейнбаум Л. С. Индейцы тоба Аргентины // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики / Отв. ред. В. А. Тишков. Москва: Издательство «Наука», 1985.
- Энгле Н. Неудобная история. Память о государственных преступлениях в России и других странах. Москва: «Новое литературное обозрение», 2020. 576 с.
- Aguirre C. S. Pueblos indígenas, territorio y acción política: La organización del pueblo mapuche en Neuquén, Argentina. Universidad de Buenos Aires. Facultad de Ciencias Sociales. Instituto de Investigaciones Gino Germani. 2019–3. 17 (66): 1–24. <https://ri.conicet.gov.ar/handle/11336/125209> (Accessed 29.06.2022).
- Aguirre S., Rocha Varsanyi, A. Seguritización del reclamo mapuce en Vaca Muerta (Argentina): el discurso estatal neuquino sobre Campo Maripe. Estudios Sociales Contemporáneos. 2022. 26: 340–363. <https://doi.org/10.48162/rev.48.038>
- Ameghino N. Un pueblo, dos estados: Participación Mapuche en el Estado. Los casos de Argentina y Chile. Si Somos Americanos, Revista de Estudios Transfronterizos [en línea]. 2013. 13(1): 171–197. <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=337929289008> (Accessed 15.06.2022).
- Aramayo Eliazarian H. Criminalización y deslegitimación de la demanda territorial mapuche en la prensa escrita argentina. Estudios del Discurso 2021. 7.2: 92–114. <http://esdi.uaem.mx/index.php/esdi/article/view/94> (Accessed 15.06.2022).
- Buzan B., Waever O., De Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, Inc., Cambridge University Press, 1998. 239 p.
- Circosta C. Mapuche terrorista. Pervivencia de estereotipos del siglo XIX en la construcción de la imagen del «indio» como otro/extranjero en la coyuntura de la Argentina actual. Cuadernos del Centro de Estudios en Diseño y Comunicación. Ensayos. 2021. 96: 184–202. <https://dx.doi.org/10.18682/cdc.vi96.3938>
- Eissa S. G. Construyendo al enemigo: la securitización del reclamo mapuche (agosto-diciembre de 2017). Perspectivas Revista De Ciencias Sociales. 2018. 3(5): 35–61. <https://doi.org/10.35305/prcs.v0i5.214>
- Eliazarian 2021: 92–114
- Escolar D.; Delrio W. M.; Malvestitti L. M. Criminalización y distorsión de las demandas indígenas en Argentina. La construcción mediática del pueblo Mapuche como no-originario.; Société des Américanistes; Journal de la Société des Américanistes. 2010. 96 (1): 293–295 (10). <https://journals.openedition.org/jsa/11404> (Accessed 15.06.2022).
- Kaiser A., Serbent M., Navarro J. P., Echave F. “La sociedad Mapuche y su relación con el Estado-Nación, Argentina y Chile”. Trabajo presentado como informe final para la Cátedra Virtual para la Integración Latinoamericana. https://bdigital.uncu.edu.ar/objetos_digitales/5785/lasociedad-mapuche.pdf (Accessed 15.06.2022).
- Leone M. Racionalidades securitarias sobre el pueblo mapuche. Un análisis comparativo de las políticas estatales en Chile y Argentina. Temas Y Debates. 2020. 40: 89–110. <https://doi.org/10.35305/tyd.v0i40.473>
- Leone M. Seguritización de la indigeneidad. La actual política indigenista de Argentina y Chile. Question/Cuestión. 2018: 1(59), e075. <https://doi.org/10.24215/16696581e075>

- Moyano A. Pueblo Mapuche: la diferencia entre tomar tierras y recuperar territorios // Tierra Viva. Agencia de noticias. 5.11.2021. <https://agenciaterraviva.com.ar/pueblo-mapuche-la-diferencia-entre-tomar-tierras-y-recuperar-territorios/> (Accessed 15.07.2022).
- Peña J. Jorge Luis Borges: “Soy un europeo nacido en el exilio”. El Nortino. 1996. Jun. 16. <http://www.bibliotecanacionaldigital.gob.cl/visor/BND:554426> (Accessed 13.01.2022).
- Savino L. The quest for territorial autonomy: Mapuche political identities under neoliberal multiculturalism in Argentina. 2013. Electronic Thesis and Dissertation Repository. 1717. <https://ir.lib.uwo.ca/etd/1717> (Accessed 15.06.2022).

References

- Aguirre, C. S. 2019 (03). *Pueblos indígenas, territorio y acción política: La organización del pueblo mapuche en Neuquén, Argentina* [Indigenous Peoples, Territory and Political Action: The Organization of the Mapuche People in Neuquén, Argentina]. Universidad de Buenos Aires. Facultad de Ciencias Sociales. Instituto de Investigaciones Gino Germani. 17 (66): 1–24. <https://ri.conicet.gov.ar/handle/11336/125209> (Accessed 29.06.2022).
- Aguirre, S. and A. Rocha Varsanyi. 2022. Seguritización del reclamo mapuce en Vaca Muerta (Argentina): el discurso estatal neuquino sobre Campo Maripe [Securitization of the Mapuche Claim in Vaca Muerta (Argentina): the Neuquén State Discourse on Campo Maripe]. *Estudios Sociales Contemporáneos* 26: 340–363. <https://doi.org/10.48162/rev.48.038>
- Aleksandrenkov, E. G. 2006. *Indikhenizm v Latinskoi Amerike (politika i nauka o korennykh obitate-liakh)* [Indigenism in Latin America (politics and science of indigenous inhabitants)]. Seriya “Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii” Instituta etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk. Dokument No 188. Moscow: Institute etnologii i antropologii RAN. 31 p.
- Ameghino, N. 2013. Un pueblo, dos estados: Participación Mapuche en el Estado. Los casos de Argentina y Chile [One People, Two States: Mapuche Participation in the State. The cases of Argentina and Chile]. *Si Somos Americanos, Revista de Estudios Transfronterizos* [en línea]. 13(1): 171–197. <https://www.redalyc.org/articulo.oa?id=337929289008> (Accessed 15.06.2022).
- Aramayo Eliazarian, H. 2021. Criminalización y deslegitimación de la demanda territorial mapuche en la prensa escrita argentina [Criminalization and Delegitimization of the Mapuche Territorial Claim in the Argentine Print Media]. *Esiudios del Discurso* 7.2: 92–114. <http://esdi.uaem.mx/index.php/esdi/article/view/94> (Accessed 15.06.2022).
- Buzan, B., O. Waever and J. De Wilde. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, Inc., Cambridge University Press. 239 p.
- Circosta, C. 2021. Mapuche terrorista. Pervivencia de estereotipos del siglo XIX en la construcción de la imagen del “indio” como otro/extranjero en la coyuntura de la Argentina actual [Mapuche Terrorist. Preservation of 19th Century Stereotypes in the Construction of the Image of the «Indian» as Other/Foreigner in the Current Situation of Argentina]. *Cuadernos del Centro de Estudios en Diseño y Comunicación. Ensayos* (96): 184–202. <https://doi.org/10.18682/cdc.vi96.3938>
- Eissa, S. G. 2018. Construyendo al enemigo: la securitización del reclamo mapuche (agosto-diciembre de 2017) [Constructing the Enemy: the Securitization of the Mapuche Claim (August–December 2017)]. *Perspectivas Revista De Ciencias Sociales* 3(5): 35–61. <https://doi.org/10.35305/prcs.v0i5.214>
- Epple, N. 2020. *Neudobnaia istoriia. Pamiat’ o gosudarstvennykh prestupleniakh v Rossii i drugikh stranakh* [Uncomfortable Past. The Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: “Novoe literaturnoe obozrenie”. 576 p.
- Ermolaev, V. I. (ed.). 1961. *Ocherki istorii Argentiny* [Essays on the History of Argentina]. Moskva: Izdatel’stvo sotsial’no-ekonomicheskoi literatury. 574 p.
- Escobar, D., W. M. Delrio and L. M. Malvestitti. 2010. Criminalización y Distorsión de las Demandas Indígenas en Argentina. La construcción Mediática del Pueblo Mapuche Como No-origi-

- nario [Criminalization and Distortion of Indigenous Claims in Argentina. The Media Construction of the Mapuche People as Non-originary]. *Journal de la Société des Américanistes* 96 (1): 293–295. <https://doi.org/10.4000/jsa.11404>
- Gaman-Golutvina, O. V. and A. I. Nikitin (eds.). *Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya* [Modern Political Science: Methodology]. Moskva: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2020. 776 p.
- Kaiser A., M. Serbent, J. P. Navarro and F. Echave. 2019. *La Sociedad Mapuche y su Relación con el Estado-Nación, Argentina y Chile*. Trabajo presentado como informe final para la Cátedra Virtual para la Integración Latinoamericana [Paper Presented as a Final Report for the Virtual Chair for Latin American Integration]. https://bdigital.uncu.edu.ar/objetos_digitales/5785/lasociedadmapuche.pdf (Accessed 15.06.2022).
- Leone, M. 2018. Seguritización de la Indigeneidad. La Actual Política Indigenista de Argentina y Chile [Securitization of Indigeneity. The Current Indigenist Policy of Argentina and Chile]. *Question/Cuestión* 1(59): e075. <https://doi.org/10.24215/16696581e075>
- Leone, M. 2020. Racionalidades Seguritarias sobre el Pueblo Mapuche. Un Análisis Comparativo de las Políticas Estatales en Chile y Argentina [Security Rationalities of the Mapuche People. A Comparative Analysis of State Policies in Chile and Argentina]. *Temas Y Debates* 40: 89–110. <https://doi.org/10.35305/tyd.v0i40.473>
- Moyano, A. 2021. Pueblo Mapuche: la Diferencia entre Tomar Tierras y Recuperar Territorios [Mapuche People: The Difference Between Taking Land and Reclaiming Territories]. *Tierra Viva. Agencia de noticias*. <https://agenciaterraviva.com.ar/pueblo-mapuche-la-diferencia-entre-tomar-tierras-y-recuperar-territorios/> (Accessed 15.07.2022)/
- Peña, J. 1996. Jorge Luis Borges: “Soy un Europeo Nacido en el Exilio” [Jorge Luis Borges: “I am a European Born in Exile”]. *El Nortino*. Jun. 16. <http://www.bibliotecanacionaldigital.gob.cl/visor/BND:554426> (Accessed 13.01.2022).
- Savino, L. 2013. *The Quest for Territorial Autonomy: Mapuche Political Identities under Neoliberal Multiculturalism in Argentina*. Ph. D. diss. abstract, The University of Western Ontario. <https://ir.lib.uwo.ca/etd/1717> (Accessed 15.06.2022).
- Prokhorenko, I. L. 2016. Etnopoliticheskaia konfliktnost' i politika identichnosti v stranakh Latinskoi Ameriki [Ethnopolitical Conflict and Politics of Identity in Latin America]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 4: 29–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.04>
- Semenenko, I. S., V. V. Lapkin and V. I. Pantin. 2016. Tipologiya etnopoliticheskoi konfliktnosti: metodologicheskie vyzovy “bol'shoi teorii” [Typology of Ethnopolitical Conflict: Methodological Challenges to “Grand Theory”]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* 6: 69–94. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>
- Sheinbaum, L. S. 1985. Indeitsy toba Argentiny [The Toba of Argentina]. In *Istoricheskie sud'by amerikanskikh indeitsev. Problemy indeanistiki* [Historical Destinies of American Indians. Problems of Indian Studies], ed. by V. A. Tishkov. Moscow: Izdatel'stvo “Nauka”. 242–252.